

Одержимые хаосом

Почему мир накрывает волна за волной то, что может только разрушать, но не способно даже сохранить

Петр Саруханов / «Новая газета»

15:29, 11 декабря 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В общем смысле, обрушивается известный порядок культуры. Но появляется хаос не из ниоткуда. Вероятно, он появляется там, где в индивидах, которые есть носители порядка культуры, нарушается и деградирует их субъектность. Другими словами, хаос реагирует на кризис внутренних идей и убеждений. А во времена сегодняшние — с их постмодернизмом, технологическим гедонизмом и реал-политик — признаки такого кризиса долго искать не придется.

Что есть «**здоровая**» субъектность с точки зрения философии? Как вариант — способность самостоятельно соотноситься с отвлеченными, абстрактными идеями и превращать их во внутренние идеи своего человеческого «я». С последующим приоритетом этих внутренних идей над внешними, объективными обстоятельствами жизни, равно как и над желаниями и чувствами, связанными со всем внешним и объективным. В античной традиции это называлось властью разума над материей. В христианстве — властью «пищи духовной» над «пищей плотской».

Если же мы сталкиваемся с неспособностью или отказом человека самостоятельно добывать себе «духовную пищу», то называем это слабой, или инфантильной субъектностью.

Если видим, что внешние обстоятельства решительно довлеют над внутренним миром человека, то называем это **подавленной, или репрессированной субъектностью**.

Если же воля обладать чем-либо внешним проникает внутрь человека так глубоко, что заменяет собой всё и вытесняет саму возможность обращаться к отвлеченным идеям и ценностям, то мы зовем это **искаженной, или больной субъектностью**. А

подобный человек напоминает нам одержимого.

Когда же все перечисленное не просто касается отдельной личности, но охватывает самые широкие слои социума, проникает в государственные доктрины и превращается в постоянный контент политики, такое положение дел следует называть не иначе, как временем хаоса.

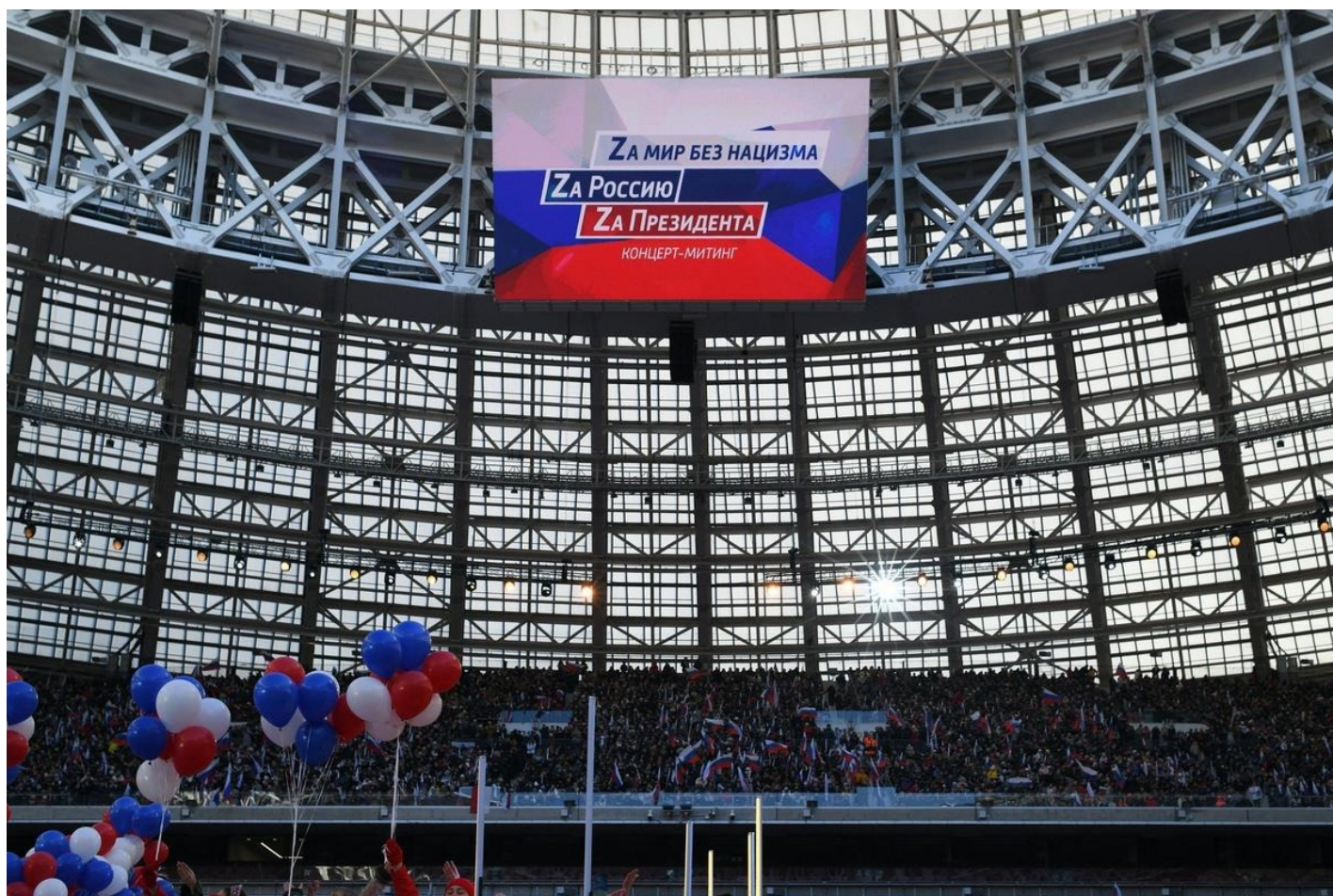

Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

Инфантильная субъектность. Да, люди пользуются идеями, но скорее как флагами на параде. Их идеи всегда узнаваемы и подаются в убедительной форме наподобие рекламных слоганов или лейблов. Их идеи престижны. Но они не кровоточат изнутри. А идея, когда она действительно попадает внутрь человеческого «я», всегда кровоточит. Люди же стремятся держать себя подальше от крови, хотя и много

говорят о ней.

Для немирных времен вполне понятно, что идея мира станет занимать в политическом дискурсе центральное место. Демократы и либералы, активисты из ведущих университетов Америки и Европы, чиновники из ООН, левые гуманисты и вообще те публичные люди, в прогрессивности которых не приходилось сомневаться, пишут на своих парадных флагах: «Мир! Только мир, любой ценой! Сложить оружие!» Но предлагают они это тем, кто взял оружие не по своей воле, кто, собственно, и выживать может лишь до тех пор, пока это оружие держит в руках. Однако сторонники мира не делают больших различий между охотником и его жертвой.

Если жертва не дала себя сразу убить, она уже и не жертва, она становится равноценна охотнику. Сопrotивляющаяся жертва — это для сторонников мира оксюморон, логическая аномалия.

Это возмущает. Жертва, по их логике, должна быть непременно несчастной, а в итоге — мертвой. В таком случае они всегда готовы ее оплакать и произнести надгробную речь.

«Только мир, любой ценой», — изо дня в день повторяют эти демократы и либералы. И они знать не хотят, какая цена может стоять за словом «мир». За идеей «мира». Но, вероятно, они не желают размышлять о цене. Они желают, чтобы повсюду, где бы они ни появились, вокруг уважительно говорили: «Смотрите, вот идут поистине непреклонные гуманисты!» Вот только им очень не нравится вопрос о том, как добиться этого мира. «Разве недостаточно уже того, что мы призываем? А как — это практическая сторона, что мы можем знать об этом? Наша

миссия — говорить слово «мир». Что может быть грандиознее?»

Это и есть инфантильная субъектность. А профессор Ницше, наверное, добавил бы еще так: «И жалкое довольство собою». Хаос чувствует себя среди такого как дома. Как говорит дьявол в известном исполнении Аль Пачино: «Тщеславие — мой любимый порок!» И в этом месте начинает играть песня Paint It, Black «Роллинг Стоунз».

Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

Подавленная субъектность. Нет сомнений, что весьма большое число людей по умолчанию считает себя прогрессистами, сторонниками свободы и уж точно не сторонниками насилия. Немного найдется тех, кто скажет, что не согласен с принципами Нагорной проповеди. Однако совсем другое дело, когда обстоятельства требуют уже не просто умолчания, а как

минимум произнесения вслух своих убеждений. Произнесения даже не публичного, пусть лишь приватного (даже перед самим собой идет в счет). А нынешние обстоятельства ежедневно и крайне настойчиво этого требуют. Исторические события делают всё для того, чтобы взгляды человека насчет насилия и свободы вышли на поверхность. Хотя бы потому, что ежедневно множится и насилие, и несвобода. Самое время для отчета в собственных убеждениях.

Но также известно, что

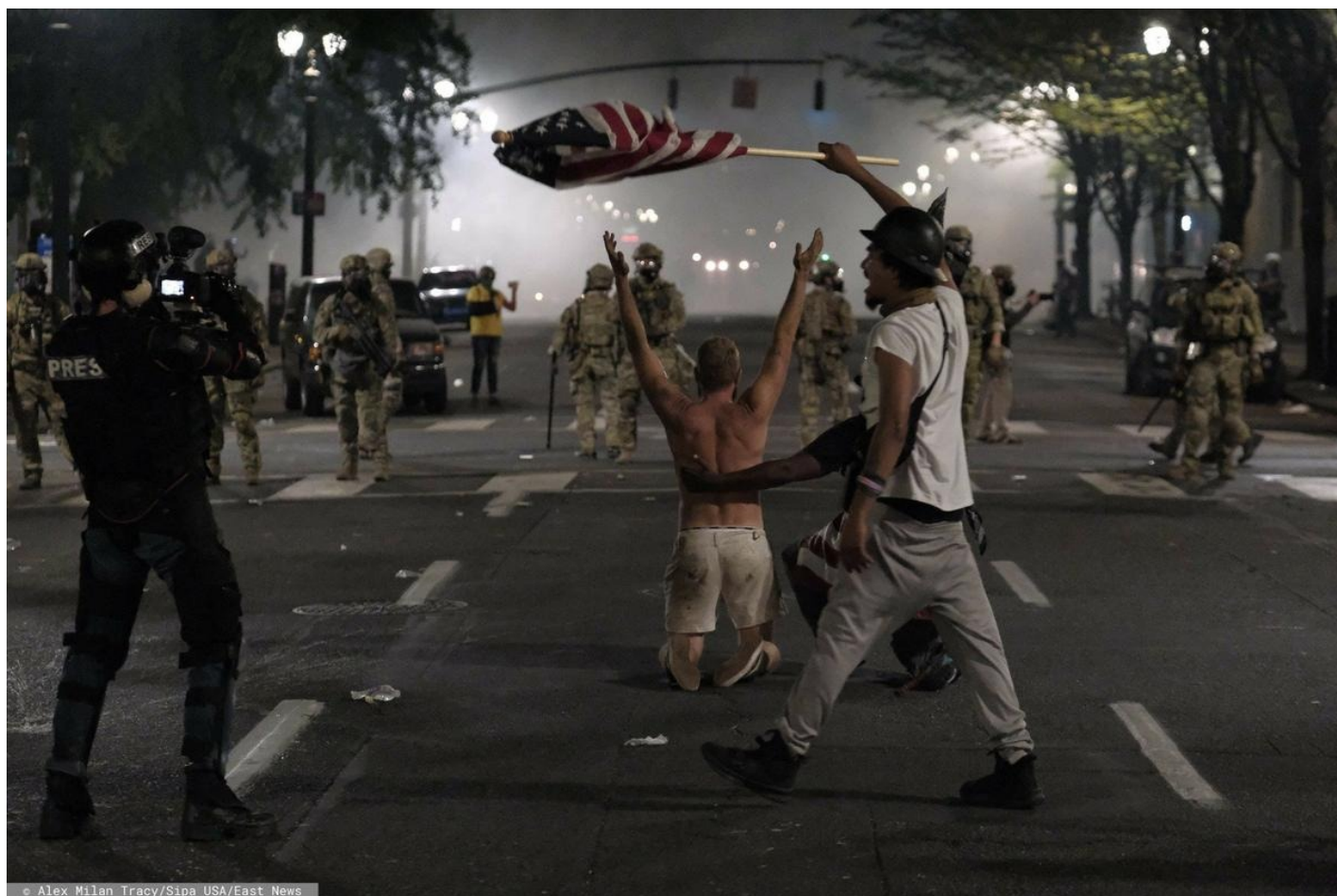
мыслить и действовать в согласии с самим собой, или, по классике, по Канту, «пользоваться собственным разумом», — это требует мужества. Субъектность требует мужества.

И вот здесь случилась проблема. Под воздействием обстоятельств люди массово начали сами себя корректировать. Не укрепляться против насилия и несвободы. Напротив, начали подводить под них нечто вроде объясняющей логики. А слово «логика» для современного человека — примерно то же, что слово «судьба» для человека в давние времена. Проще говоря, нечто неоспоримое. Такое, чему нет смысла сопротивляться. Человек же устроен так, что если мысль о сопротивлении больше к нему не приходит, то он успокаивается.

Наверное, центральным объяснительным и успокоительным слоганом для многих стало знаменитое «не все так однозначно». Да, свобода лучше, чем несвобода, но давайте вспомним наши традиции, веру наших предков. А там не все однозначно. Да, на жертву напали, но давайте посмотрим в исторические корни инцидента. А там тоже не все однозначно.

Да, жертву жаль, но не сама ли она вела себя так, чтобы сделаться жертвой? И вообще, не извлекает ли она из этой своей жертвенности множество выгод и бонусов? Определенно это все очень неоднозначно!

Итогом таких самокоррекций становится довольно быстрый распад субъектных убеждений человека. На их место приходит когнитивный, ценностный и в целом экзистенциальный хаос, построенный на постоянной смене кадров восприятия, на манипуляции эмоциональными стереотипами и объектными образами. В общем, однозначный хаос.

Протесты Black Lives Matter в Портланде. Фото: Alex Milan Tracy / Sipa USA / East News

Искаженная субъектность. Человек, собственно, человеком и становится, когда открывает для себя мир идей, мир абстрактных, незримых, но умопостигаемых сущностей,

доступных, по словам Платона, «лишь кормчему души — разуму». В этом человек радикально отличается от всех иных известных живых существ.

Мир идей человеком осваивается и становится внутренним ориентиром, критерием самопознания и достоинства. Вся эволюция человека есть не что иное, как результат такого освоения. И субъектность — это образ самого себя, увиденный через призму мира идей. Стоит убрать идеальную призму — и человек распадется на множество бессвязных и конфликтующих друг с другом фрагментов. Или же останется одно голодное и никогда не насыщаемое нарциссическое эго.

Очевидно, что люди в разной мере способны к связи с идеями. Вопреки известному тезису Джона Локка о том, что все мы появляемся в этот мир в состоянии *tabula rasa*, «чистой доски», на которой потом время и опыт оставляют свои знаки, непосредственное виденье говорит нам, что люди изначально неравны по своим склонностям, способностям и задаткам. А потому и связь с идеями не всем дается одинаково хорошо и свободно. В принципе, хорошо она дается вообще немногим.

Однако немало людей, хотя и не слишком склонных к философии и отвлеченному созерцанию, но вполне готовых время от времени смотреть в сторону мира идей, понимать его значимость и испытывать от этого вдохновляющее чувство осмысленности своей жизни. Скажем так для примера: чтобы понимать музыку и восхищаться ею, совершенно необязательно уметь ее сочинять или исполнять. Правда, по своему собственному почину люди настолько редко обращаются в сторону идеального, что оно могло бы через некоторое время и совсем оказаться ими забытым. Тогда — фрагментация идентичности и растворение человеческого «я» в бесконечных заботах и нуждах повседневного, а кроме того, всеобщая подозрительность и конкуренция без всякой этики. В итоге — возврат в первобытное, дикое состояние умов и чувств

и, как говорил Томас Гоббс, *Bellum omnium contra omnes*, «война всех против всех».

Пропалестинские демонстранты во время митинга в Оттаве. Фото: Justin Tang / Associated Press / East News

Здесь на помощь приходят культура и политика. Та и другая имеют прямое и активное воздействие на индивидов, и в случае если культурные и политические элиты сами ориентированы на нечто идеальное, весьма широкие социальные слои поворачиваются в ту же сторону. Если предельно обобщить и выдвинуть предположение, с какими по преимуществу идеями могут быть связаны культура и политика, на помощь приходит древний авторитет Платона, и тогда культура направлена к «идее прекрасного», а политика — к «идее справедливого». Можно лишь добавить, что во времена, когда над социумом довлеет та или иная форма деспотической власти, и культура, и политика могут давать направление в сторону «идеи свободы».

Так происходит адаптация идеального для мира людей, и в процессе этот мир начинает называть себя цивилизацией.

Но может произойти и нечто прямо противоположное. Политическую элиту могут составить люди, которые не ориентированы на идеальное. Мало того, категорически не понимают идеальное. Не понимают и не принимают, считают за нечто лишнее и раздражающее. Прекрасное, справедливое, свободное — что это значит? Как правило, это те, кто полностью поглощен своим конкретным нарциссическим самоутверждением и желает лишь одного — максимально возможного признания. В перспективе — абсолютного признания.

Впрочем, такие люди совсем не чуждаются использовать идеальные оболочки и заворачивать в них совершенно не идеальные вещи. Собственно, не вещи, а некие отвлеченные представления. Эти представления выдаются за настоящие идеи, и на повестку ставятся «народное единство», «подлинный национальный интерес», «государственный интерес», «особый путь». Положение усугубляется, когда к процессу формирования и продвижения новых «идей» подключается культурная элита.

Если все получается, то признание и власть этих людей, этой элиты, растут неимоверно. Ибо они становятся той центральной точкой, вокруг которой сосредотачиваются и определяются подобные вещи. «Единство», «подлинный интерес», «национальная особенность». Это подмена, но большинство людей легко за ней следует, ибо на самом деле немного тех, у кого налажена связь с настоящим миром идей. Последствия же у подмены катастрофические. Когда нация или государство (а как правило, и то и другое одновременно) делаются центральной «идеей», на которую предписано смотреть с трепетом, любовью и ужасом, это означает конец или как минимум временный коллапс цивилизации. Это называется тоталитаризмом. А за его беспощадным сводом правил и запретов стоит не особого рода «новый порядок», но уже самый полноценный, беспримесный хаос. Состояние же субъекта при таких обстоятельствах характеризуется как

болезненное. И вероятно, не во всех случаях излечимое.

Естественно, возникает вопрос: что человеку делать, чтобы хаосу противостоять и власть его уменьшить? Совершенно точно можно делать одно — развивать в себе искусство различения настоящих идей от их подобию. И делать это, находясь хотя бы и в самой сердцевине хаоса.

Но тогда еще вопрос: да, вкладываться в личность и ее философское сознание надо, — однако нет ли каких-то объективно-социальных закономерностей, политических триггеров, которые могут изменить положение вещей и встать у хаоса на пути? Очевидно, многие ожидали такого поначалу, когда «идея особого пути» вдруг обернулась прямым насилием и отказом от цивилизации. Вот, народ быстро устанет и возмутится. Вот, никто не захочет идти умирать за «особый путь». Вот, жены и матери скажут однозначное «нет» генералам. Но ничего из этого не произошло. Социум, в массе своей, ни в чем не усомнился и на глазах адаптировался к новым реалиям. Внутри политических элит тоже не произошло раскола. Не образовалась никакой фронды. И никто, хотя бы из своих чисто прагматических мотивов, не проявил недовольства. В общем, ни одно из ожиданий — или тем более предсказаний экспертов по общественным наукам — не сбылось.

Выходит, что остается только субъект. Только свое «Я», его убеждения и его готовность. И слова, которыми подтверждаются убеждения. И случай, совершенно иррациональный случай, который не подлежит предсказаниям, но который именно во времена хаоса вдруг приносит надежду на восстановление порядка. «Бог из машины». Личная готовность и «бог из машины».

Как бы ни хотелось цивилизованному сознанию, но ставка на «объективные законы истории» сейчас не имеет большого смысла. Конструкции Гегеля и Маркса сейчас не работают.

Но, пробужденные хаосом, начинают работать конструкции совсем иного порядка. Такие, где фатум, судьба уже перестают быть на краю исторической сцены, а занимают на ней центральные места, получают ведущие роли. Атмосфера начинает напоминать то ли главы из Ветхого Завета, то ли средневековый эпос, то ли сцены из «Матрицы». Одно очевидно — это интересные времена.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Русское поле нарциссов](#)

Откуда и как берутся запреты и почему их становится все больше. Антрополог Роман Шамолин — о двух типах культуры

10:13, 15 ноября 2024, Роман Шамолин